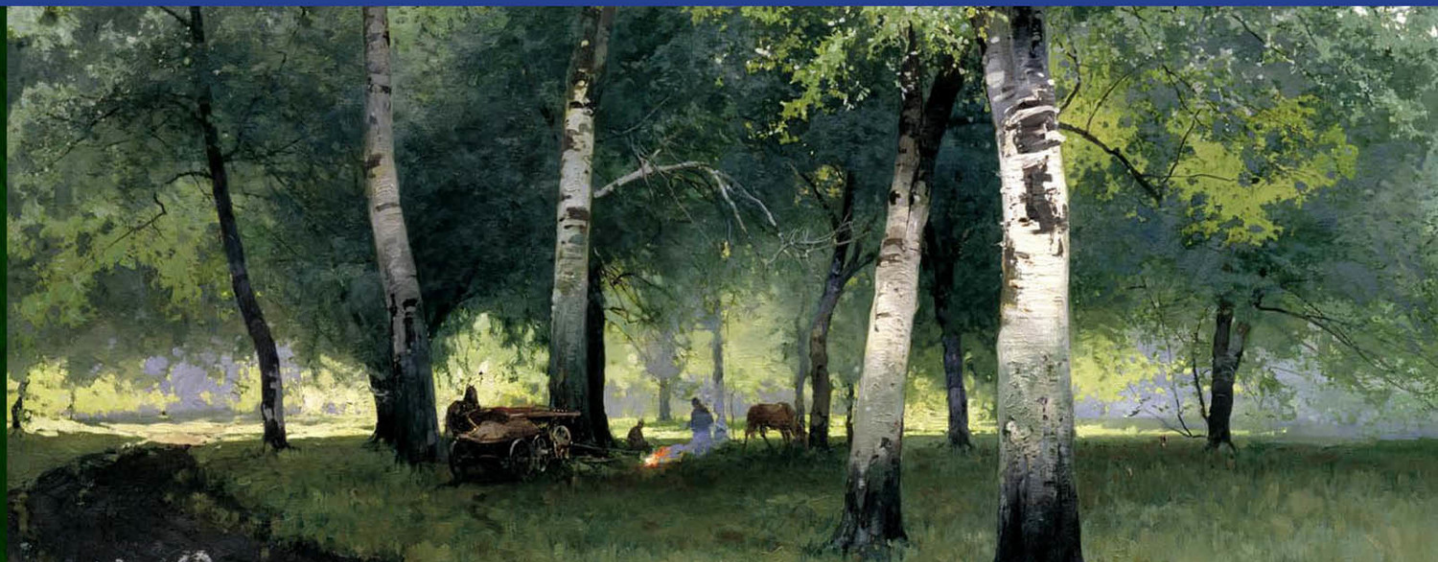

Василь Быков

Пойти и не вернуться

ФТМ

Василий Быков

Пойти и не вернуться

«ФТМ»

1978

Быков В. В.

Пойти и не вернуться / В. В. Быков — «ФТМ», 1978

Писатель Василь Быков – участник Великой Отечественной войны, которая определила темы, сюжеты и выбор героев его произведений. Повести его прежде всего – о человеке, пытанном ледяной водой болот, мокрой глиной окопов, пустотой леса в ничейной полосе, неизвестностью исхода войны, соблазном бессилия, безнадёжности, отступничества, бесконечностью раскисших дорог...«... Все-таки она успела, хотя и намочила у берега ноги, в левом сапоге сразу захлюпало, но теперь, наверное, можно было рискнуть. Недолго раздумывая и почти физически ощущая пугающее приближение незнакомца, она ступила на корявый конец дерева и взмахнула руками. Ей удалось сделать лишь три робких, торопливых шага, как верхушка деревца, подогнувшись, соскользнула с закрайка и Зоська очутилась в воде. Она рванулась к недалекой и такой недостижимой кромке закрайка. Но ноги в воде вдруг потеряли опору, дно ушло в сторону, она погрузилась в воду почти до пояса, с ужасом ощутив, как течение туго ударило ее в бедра, грозя свалить с ног. И тогда сквозь шум разворошенной ее телом воды где-то вверху раздалось:– Зоська, стой! Ты что, сдурела?!«Антон?!»В страхе и замешательстве она замерла, узнав голос того, кого меньше всего ждала тут увидеть. ...»

© Быков В. В., 1978

© ФТМ, 1978

Содержание

1	5
2	10
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Василь Быков

Пойти и не вернуться

1

Шел снег.

Густо мельтеша в воздухе, снежные крупинки косо неслись по ветру, с тихим невнятным шорохом быстро засыпая иссушенную морозом траву, жухлые заросли осоки на болоте, белыми пятнами ровно устилая замерзшие водяные прогалы, которые, чтобы не оставлять следов, тщательно обходила Зоська. Но этих прогалов в траве было много, и она поняла, что никуда от них не деться на этом мшистом болоте, и пошла напрямик, не разбирая дороги. Местами она неглубоко проваливалась в мох, но до воды не доставала, все-таки болото за последние дни хорошо промерзло. То ли от снегопада, то ли от близости вечера болотно-лесное пространство вокруг все больше мрачнело, хмурилось, наполняя смутной тревогой и без того беспокойную душу. Только что выбравшись из лесных зарослей, Зоська уже раза три оглянулась, хотя сзади никого вроде не было. Чтобы отрезвиться от недобрых мыслей, она остановилась, огляделась и варежками обмахнула с плеч снег, отряхнула юбку. Но не прошло и минуты, как снег снова густо залепил ворсистую ткань ее плюшевой куртки, и она подумала, что напрасно отряхиваться, лучше побережь варежки, которые и без того промокли насквозь и не грели. Руки все больше зябли, особенно когда она переходила голые, без кустарников, участки болота, где сильнее становился ветер и, кажется, густел снег.

Снегопад был ей ни к чему, он даже становился помехой; те, что посылали ее в эту дорогу, рассчитывали на черную, без следов, тропу. Но еще часа два назад ничто, казалось, не предвещало непогоды, разве что облачное небо вверху, которое нынешней осенью всегда было облачным.

И вот теперь этот снег...

Оглянувшись, Зоська увидела на забелевшей кочковатой земле заметные издали следы своих ног, обутых в уже отсыревшие и латанные-перелатанные сапожки. Правда, снег засыпал следы, и, если снегопад не прекратится к ночи, следов можно будет не опасаться.

Хуже, что она заблудилась.

Она шла около часа, но ожидаемой лесничевки все не было видно, вокруг тянулось замерзшее незнакомое болото, местами поросшее чахлыми извилистыми березками, кустами лозняка и ольшаника. Теперь ей самой не понять, как она сбилась с тропы, возможно, проглядев в кустарнике ее очередной поворот, или, может, та просто исчезла под снегом. Зоська шла наугад, лишь чутьем определяя нужное направление. Спросить тут было не у кого, она знала, что ближайшая деревня километрах в восьми за речкой, до деревни надо еще идти да идти. Оружия у нее не было никакого, хотя оружие перед выходом можно было попросить у ребят, но когда она намекнула на то Дозорцеву, тот запретил категорически – в ее деле лучше обойтись без оружия. Компаса ей тоже не дали. Компас, наверно, помог бы в пути, но в случае задержания наверняка бы навел на подозрения, а малейшего подозрения ей надо было избегать. Правда, у нее был паспорт, немецкий аусвайс, но она не очень надеялась на эту тоненькую, с синими печатями книжечку, выписанную на некую Аделаиду Августевич. Аусвайс был старый, потрепанный; видно, не она первая отправлялась с ним из партизанской зоны в немецкую, хотя имя его прежней владелицы Зоське очень понравилось. Ей бы такое имя.

А то – Зося Нарейко.

Хотя, что ж, каждому – свое.

Зоське бы вот только перейти это болото, где-то перелезть через речку и выбраться на Скидельский шлях – там начиналась знакомая местность, там были люди, там бы она вздохнула. Правда, она понимала, что там ее ждало немало других опасностей, но теперь ей казалось, что здесь страшнее. Она почти уже не глядела себе под ноги, где привычно шумела-шастала жесткая на морозе трава, – она пристально всматривалась вперед, в густевшие над болотом сумерки, пестревшие окрест множеством пятен, тусклых полос вдаль, каких-то неясных теней. Казалось, в разных местах, замерев, ее поджидали лесные чудовища, может быть, волки, а может, и недобрые люди. Но всякий раз, подходя к ним ближе, она обнаруживала, что это темнели высокие кочки жесткого папоротника или кусты можжевельника, а то низкорослые, пересыпанные снегом елочки. Пожалуй, ничего больше и не могло быть в эту пору на мерзлом болоте, однако, по мере того как темнело, привязчивый страх все больше охватывал девушку.

Она упрямо гнала его прочь, мысленно ругая себя за пугливость и то и дело уговаривая: ну, чего ты боишься, дурочка, чего же здесь страшного? Бояться придется там, где люди, дороги, посты у въездов в деревни, проверка документов, полиция. Здесь же безлюдное болото, ненастный осенний вечер, снег – все, хотя, может, и мало расположенное к путнику, зато вполне безопасное. Чего здесь бояться?

И тем не менее здесь ей казалось страшнее, чем там, впереди, вблизи от деревень с постами, полицией и проверками всех подозрительных прохожих.

Она взошла на едва приметный в болоте пригорок, покрытый неболотной, низкорослой, безо льда травой, с редкими деревцами ольшаника, беспорядочно серебристыми на белой земле. Снегопад будто бы поредел, и хотя небо сверху стало темнее, чем прежде, кустарник просматривался далеко, за ним вроде мерещилась стена дальнего леса, и Зоська подумала: не там ли кончается это проклятое болото?

Она спустилась с пригорка, прибавила шагу, как вдруг шагах в пяти от нее метнулось что-то живое и, как показалось, громадное. Зоська в ужасе замерла и только мгновение спустя увидела невдалеке зайца. Большущий русак широкими прыжками размашисто уходил прочь, все дальше в болото, пока не исчез в сумрачной мешанине заснеженной травы и кустарника.

Медленно отходя от испуга, Зоська перевела дыхание, нерешительно, сама не зная почему, оглянулась и застыла в немом удивлении, заметив силуэт человека, как бы осторожно наблюдавшего за ней сзади. Зоська на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, силуэт уже исчез в густеющих сумерках, слившись с неясными пятнами земли и кустарника. С замершим сердцем Зоська еще полминуты вглядывалась, но тщетно: сзади решительно не было ничего такого, что хоть бы отдаленно напоминало собой человека. Она подумала, что ошиблась, что это ей показалось, и, обругав себя за напрасный испуг, быстро направилась дальше.

Несколько минут она шла мелколесьем, то и дело уклоняясь от холодных ветвей ольшаника и едва сдерживая напряженное желание оглянуться хотя бы затем, чтобы убедиться, что сзади никого нет.

Она заставила себя смотреть только вперед, где уже угадывался в сумерках широкий прогал, кустарники кончались, до тускло серебристой в ночи стены хвойного леса было рукой подать. Зоська подумала, что, по всей вероятности, где-то здесь должна быть река. Не бог весть какая эта речушка, в которой летом надо было поискать место поглубже, чтобы искупаться, осенью разлилась и теперь с самого начала пути тревожила Зоську – как через нее перебраться? Легко было Дозорцеву там, в лесу, советовать поискать брод, который должен быть где-то возле лесничевки. Но как ей найти теперь этот брод, если она потеряла саму лесничевку и даже не знает, в какой стороне та осталась.

Так оно и оказалось, река была здесь. Еще издали Зоська узнала ее по ряду кряжистых ольх, привольно разросшихся вдоль берегов по краю голой, заболоченной поймы. Между рекой и кустарником лежал открытый, обильно засыпанный снегом участок. Прежде чем выйти на него, Зоська остановилась, взглянула в одну сторону, затем в другую и, не удержавшись, тороп-

ливо оглянулась назад. Но в тускло мерцающих снежных сумерках всюду было безлюдно и тихо-покойно, лишь беспорядочные порывы ветра, порошившие на болото снежной крупой, нарушали сонную тишину ночи.

Зоська вышла на пойму, решительно направляясь к ближайшей группе кривых старых ольх, раскинувших на берегу замысловатую вязь своих голых сучьев. Еще издали между их комлей она увидела противоположный в кустарнике берег и припаянный к нему тусклый закраек льда, местами темневший разводами подмокшего снега. Такой же, с плавно выгнутой, будто подтаявшей, кромкой, закраек тянулся и вдоль этого берега, а между ними чернела неровная полоса чистой воды. Была она неширокой, эта злосчастная полоска, местами ледяные закраины почти смыкались, но вода упрямо разъединяла их всюду, и Зоська в нерешительности остановилась. Нет, здесь перейти не было возможности, следовало поискать что-нибудь более подходящее.

Обойдя с наболотной стороны несколько ольх, она снова приблизилась к невысокой, но обрывистой кромке берега. Река здесь круто изгибалась, уходя в сторону леса, и широкая ледяная закраина с противоположного берега почти вплоты подходила к обрыву у самых ног. Возможно, Зоське и удалось бы до нее добраться. Если бы на что-то опереться. Или еще лучше положить с берега длинную палку и по ней осторожно перейти на ту сторону.

Надо было поискать подходящую жердину.

Пригибаясь, чтобы уклониться от низко нависавших сучьев, Зоська обошла ольховые кусты, пробуя рукой прочность их шершавых комлей, невзначай бросила взгляд назад, на при туманенную даль поймы, и снова в растерянности содрогнулась, застыв в неудобной, с повернутой головой, позе: теперь уже не могло быть сомнения – через пойму из кустарника по ее следам шел человек.

Полминуты она стояла, почти омертвев, не сводя взгляда с поймы. Отсюда было трудно рассмотреть идущего, сумерки туманной пеленой смазывали его очертания, но, вглядевшись, она поняла, что это мужчина и что он идет через пойму к реке уверенным шагом человека, имеющего определенную цель и, наверно, знающего путь. Руки его размеренно двигались в такт шагу, они не были заняты оружием, но было ли у него что за плечами, она не смогла рассмотреть. Тем не менее она остро почувствовала, что он уже видит ее, что ей надо скорее уходить от него и что уйти в ее положении можно только за реку.

Она испуганно метнулась по берегу, пытаясь соскочить под обрыв, но увидела внизу темную полоску мокрого снега и побежала дальше. Из-под снега у самой воды торчал какой-то корявый сук с налипшей грязной листвой. Она на бегу выдернула его и перебросила через черный поток на край льдины. Однако сук оказался коротким, к тому же здорово выгнутым на середине, он сразу перевернулся и почти весь ушел в воду. Боясь не успеть и лихорадочно работая руками, Зоська выбралась из-под берега и обеими руками вцепилась в нетолстый наклонный отросток в ближайшем кусте. Повиснув на нем, она кинула взгляд на пойму: почему-то замедлив шаг, человек приближался к речке. Их разделяла какая-нибудь сотня шагов, Зоська изо всей силы потянула деревцо, и то неровно выломилось у самого корня. Не пытаясь даже очистить его от ветвей, она соскользнула с обрыва и перебросила над водой эту шаткую, мало-надежную опору.

Все-таки она успела, хотя и намочила у берега ноги, в левом сапоге сразу захлопало, но теперь, наверное, можно было рискнуть. Недолго раздумывая и почти физически ощущая пугающее приближение незнакомца, она ступила на корявый конец дерева и взмахнула руками.

Ей удалось сделать лишь три робких, торопливых шага, как верхушка деревца, подогнувшись, соскользнула с закрайка и Зоська очутилась в воде.

Она рванулась к недалекой и такой недостижимой кромке закрайка. Но ноги в воде вдруг потеряли опору, дно ушло в сторону, она погрузилась в воду почти до пояса, с ужасом ощутив,

как течение туго ударило ее в бедра, грозя свалить с ног. И тогда сквозь шум разворошенной ее телом воды где-то сверху раздалось:

– Зоська, стой! Ты что, сдурела?!

«Антон?!»

В страхе и замешательстве она замерла, узнав голос того, кого меньше всего ждала тут увидеть. Но ошибки быть не могло – сноровисто соскочив с обрыва, Антон подхватил из воды ее деревцо и размашисто бросил его мокрой верхушкой ей в руки.

– Держись! Держись, я тяну...

Она уже и сама справилась с довольно сильным на глубине течением и, медленно преодолевая испуг, ухватила за ветки.

– Давай сюда! Во, на сухое... Эх ты, дурочка! Разве так можно соваться?..

– Ой, и напугалась же, божечка... И откуда ты взялся?

– Взятся... Разве так можно? Тут глубина – во! – отмерил он себе ладонью по грудь, и она, преодолевая холод, пристально посмотрела ему в лицо. Нет, ей не мерещилось, это в самом деле был он, Голубин, партизан из третьего взвода, которого она несколько дней назад стала называть Антоном.

– А я гляжу, догоняет кто-то! Так напугалась, что... Сердце едва не выскочило.

– Промокла здорово? Ну конечно! А ну быстро за мной! – скомандовал он. – Бегом! Тут деревня где-то была.

Она не сопротивлялась, сразу подчинилась его властной строгости, тем более что строгость эта была ей во спасение, она и сама чувствовала, что так недолго и околет на ветру. Взорвавшись на обрыв, он побежал вдоль реки куда-то по пойме влево, и она, едва преодолевая обжигающий ноги и низ живота холод, побежала следом.

– Руками, руками вот так! – показал он, взмахивая на бегу руками. – Вверх, вниз! Вверх, вниз! Грейся!

Река отвернула в сторону, туда, где был лес, темная стена которого отделилась и пропала в сугробы, там же где-то исчезли корявые кусты ольшаника. Они бежали открытой поймой к темневшим впереди низкорослым зарослям, и она чувствовала, как все больше деревенеют ноги в мокрых отяжелевших сапогах; юбка сначала мокро хлюпала сзади, потом стала жестко лубенеть на морозе, варежки остались в реке, и голых рук она почти уже не чувствовала.

– Откуда ты взялся? Тебя что – послали за мной?

– Послали, да. Успокойся. Ты же такая разведчица, что...

– А что?

– Да ничего. Хорошо вот – подоспел. А то бы...

Она все еще не могла преодолеть недоумения, понять, почему он оказался тут, за десяток километров от лагеря. Когда ее посылали в эту дорогу, не было и речи о Голубине, готовили к заданию ее одну. Но вот он здесь, и первое ее удивление быстро сменялось радостью. Это была приятная для нее неожиданность, если бы только не тот ее нелепый испуг, сдуру загнавший ее в реку. Но кто знал, что это Голубин, а не какой-нибудь полицай или немец. Принимая упрек, Зоська виновато молчала. Холод все больше сковывал ее движения, ноги выше колен недобро горели, словно обожженные; внутри, правда, от долгого бега становилось теплее, и она чувствовала, что прекращать бег нельзя. В беге было спасение, и она покорно бежала рядом с неожиданным спутником и спасителем, с которым лишь утром рассталась возле отрядной кухни, сказав, что увидятся теперь не скоро, может, через неделю или две. Она не могла сказать, куда и зачем отправляется, Голубин, однако, что-то понял, насторожился, даже попытался ее задержать, ухватив за рукав, но она вырвалась и с тропки игриво помахала ему варежкой. В последнее время, когда отряд перебазировался в южную половину Сухого бора и она по утрам стала помогать тетке Степаниде на кухне, этот Голубин частенько задерживался возле нее после ужина, раза два они даже недалеко прогулялись вдвоем, и она подумала, что, может, надо бы

ему намекнуть, куда она идет. Но тогда возле кухни она ничего не сказала, а потом ей стало не до Голубина, часа три она просидела в штабе, выслушивая инструктаж начальника разведки Дозорцева да заучивая пароли для связи со своими людьми в деревнях, пароль-пропуск через зону соседней партизанской бригады. Путь был не близок, все надо было зазубрить на память – там спросить будет не у кого, и с Голубиным она больше не увиделась.

Чтобы она не отставала, Антон заметно придерживал бег и широким шагом размашисто, с хрустом, мял сапогами подмерзшую траву поймы, уверенно увлекая Зоську в сумерки снежной ночи. Она хотела сказать, что ей надо за речку, но сдержала себя – действительно, сперва надо было обсушиться, и она почти с радостью ухватила за эту его участливую помощь, которая оказалась кстати. А она, дура, боялась.

– Тут где-то деревня. Забыл, как называется. Кондыбовщина, кажется. Не слышала такой?

Она молча повертела головой.

– Что, здорово искупалась? А ну? – Он скинул рукавицы и на бегу пошлепал ее по спине и ниже. – Жакетка вроде сухая. Юбка только. И ноги. А ну живее! Шире шаг, малышка! – бодро закомандовал он.

– Там так глубоко! Никогда не думала, – сказала она, постукивая зубами.

– Глубоко, конечно. Не летом. Надо было у лесничевки переправляться, а ты вон кудашибанула.

– Я и хотела у лесничевки. Да вот... заблудилась.

– Я так и подумал. Еще не вышла из зоны, а уже заблудилась. Как же ты там будешь, разведчица?

Что она могла на это сказать? Начало, безусловно, не удалось, могло быть и хуже, если бы не подоспел он. А может, без него она была бы осмотрительнее и не влезла сгоряча в реку. Но уж заблудилась, точно, по своей оплошности, тут уж винить было некого.

2

Минуту они молча бежали рядом. Зоська с нетерпением вглядывалась вперед, стараясь в редевшем мелькании снежинок заметить первые признаки деревни, но деревни все не было, даже не начиналось поле, под ногами по-прежнему стлалась некошенная трава поймы. Антон начал поглядывать в сторону и даже оборачиваться назад, где затемнелось в ночи что-то высокое, похожее на пригорочек с хвойной рощицей. Наверно, этот пригорочек был тут единственной видимой приметой на их болотном пути, и Антон, вдруг остановившись, громко, с досадой выругался:

– Ах ты, черт! Вон куда мы зашли. Это же Круглый грудок. Деревня в стороне осталась.

Зоська разочарованно выдохнула, она едва уже держалась на ногах, в груди все горело от усталости; а руки, и особенно ноги выше колен, совершенно задеревенели от стужи. Юбка быстро смерзлась и жестко терла ее тощие бедра.

– Что ж теперь делать? – растерянno проговорила она, остановившись и чувствуя, что выхода нет, видно, придется ей замерзать на этом болоте.

– Да, дела! – сокрушался Антон. – Надо же... Думал, этот грудок слева, а он... Наделала ты беды с этой речкой.

Ее разозлили упреки Антона, хотелось крикнуть, что это все из-за него, что, не появившись он у нее за спиной, она бы не сунулась сломя голову в эту проклятую речку, постаралась бы найти переход понадежнее. А то ведь сам ее напугал, загнал в ледяную воду и еще упрекает. Но что-то удержало ее от этого объяснения, все-таки она чувствовала, наверно, и свою здесь вину и потому, пересилив обиду, коротко бросила:

– Ладно! Я уж сама как-нибудь...

Однако в голосе ее уже слышались слезы, видно, он почувствовал это и смолк, снова вглядевшись в сумерки. Что-то там вроде серело в отдалении, но она не могла различить что, – одувевшими пальцами она вытирала глаза.

– Постой! – сказал он. – Гляди, стожок вроде? Действительно! А ну бегом!

Она тоже различила в сером ветреном сумраке сизые копны стожков на болоте возле кустарника. Передний стожок был совсем близко, в какой-то полусотне шагов – покосившийся, с заснеженным боком и черной палкой вверх, он явился для нее очень вовремя; ничего лучшего теперь, наверно, нельзя было и придумать. Антон, опередив ее, первым подбежал к стожку и, ощутив его бока, начал энергично выдергивать сено, чтобы забраться внутрь. Подбежав туда же, Зоська сунула в жесткое шуршащее сено свои онемевшие руки. Но пересыпанное снегом, настывшее сено только студило, к тому же оно было туго спрессовано в этом стожке, и Антон, как ни старался, за десять минут сделал лишь небольшое углубление в его боку.

– Черт! Слежалось – не выдерешь. А ну дергай, тут вроде податливей, – указал он ей место в стожке, а сам побежал к следующему.

Зоська, кажется, совсем замерзла, хотя на этой стороне стожка было затишнее от ветра, но мокрые ноги и бедра стыли жестоко. Руки, однако, стали согреваться в сене, из травяных недр которого вместе с душистыми ароматами трав как бы исходило накопленное за лето тепло. Она уже готова была втиснуться телом в небольшое, образовавшееся под ее руками углубление, как издали снова донесся голос Антона:

– Эй, сюда иди! Слышь, топай сюда!

Голос был бодрый, призывный, она сразу почуяла в нем надежду и, бросив на снег горсть сена, побежала к соседним стожкам. Возле одного из них стоял Антон и, махнув ей рукой, тотчас куда-то исчез, вроде бы зашел за стожок.

– Сюда! Лезь сюда, – услышала она, подбежав ближе и едва различив в темноте черную дыру в округлом боку стожка, откуда доносился приглушенный голос Антона:

– Зачем дергать, когда готовое ложво есть. А ну, лезь. Хотя погоди – я вылезу.

Он задом выбрался из сенной норы, и она, недолго раздумывая, нырнула в ее душистую теплоту, обещавшую какое ни есть укрытие от ледящего ночного ветра.

– Вот, будем сушиться. Что – еще холодно? – подобревшим голосом говорил он, забравшись следом и шурша сеном у входа. – Ничего! Надышим, знаешь, как тепло станет! Только ты раздевайся. Раздевайся, раздевайся, скидывай с себя все мокрое. Да, вот еще... На мой кожух – укройся. А я лаз заделаю. Тепло будет, увидишь.

Стуча зубами, она поспешно устраивалась в этом гулко шуршащем, полном травяных запахов укрытии, стараясь не думать о возможных последствиях этой ее ночевки. Кое-как сняла с ног мокрые сапоги, развернула портянки и сунула ноги в ласковое тепло кожушка. Антон тщательно заделывал сеном лаз, и она, недолго размышляя, стащила с себя все мокрое, что только можно было стащить, ту же завернувшись в кожушок и, все еще дрожа и крупно вздрагивая, никак не могла найти положения, чтобы скорее согреться.

– Вот это ночлег! – удовлетворенно сказал Антон, с шумом устраиваясь рядом. – А что? Не хуже, чем в землянке, правда?

– Правда, – тихонько сказала она и, подумав, спросила: – А ты... по своему заданию или как?

– Я? – неопределенно переспросил он, подвигаясь поближе, вплотную к ее поджатым ногам. – Да почти что по твоему.

– Это как – вместе, значит, пойдем?

– Безусловно. Не возражаешь?

– Нет, что ты!

Зоська горестно вздохнула. Если бы не те ее нелепые страхи, все могло оказаться удачнее, они бы заночевали в деревне, при людях, а не в этой норе, где хотя и теплее, чем в поле, но... Она, не шевелясь и почти не дыша, скорчилась, забившись в самый конец этой прорытой кем-то норы. Все-таки было не по себе от этого непривычно близкого соседства с мужчиной. Хотя бы он не начал приставать, она просто не знала, как повести себя с ним. С одной стороны, она была обязана ему, вытащившему ее из воды, устроившему в это убежище, согревшему своим полушубком. А с другой – кто знает, что у него на уме. Надо бы от него держаться подальше и вести себя по возможности строже.

– Ну как, греешься? – заботливо спросил он, придвигаясь поближе. Голос его прозвучал совсем не так, как на пойме, – это был совсем другой голос, с нотками доброты и сочувствия, каким его Зоська привыкла последнее время слышать в лагере.

– Греюсь, – сказала она.

– Скоро согреешься, – пообещал он. – Это я знаю. Как-то заночевал осенью. Дождь шел, промок, сухой нитки не было. А в стогу все обсохло. Лучше, чем на печке в избе. Помнишь Заглядки? – вдруг спросил он без всякой связи с их сегодняшним происшествием, и она улыбнулась.

– А, Заглядки? Как же... Такие вечеринки устраивали там!..

– Вечеринки на славу. Кузнецов это любил. Умел повоевать и погулять любил.

– Так молодой был.

– Молодой, да. Двадцать четыре года.

– Кажется, когда все было. А уж нет ни Кузнецова, ни многих, – горестно вздохнула Зоська.

– Кто знает, может, и нас скоро не будет.

– Нет! – зябко встрепенулась Зоська. – Не хочется об этом думать. Нельзя об этом. О другом надо.

– Это верно, что о другом, – согласился Антон. – Но о чем ты ни говори, как ни отвлекайся, а это в тебе сидит, как присохло. Как хвороба какая.

- Шумит все, – тихо сказала Зоська.
- Ветер. Шуметь долго будет. Зато нас не слышно, заглушает.
- Все равно страшно. Тише надо.
- А ничего. Тут нигде никого.

Оба, замолчав, прислушались, но действительно вокруг было тихо, лишь снаружи глухо шумел в сене ветер. Завернутые в колушок Зоськины ноги стали понемногу согреваться, влажная ткань исподнего помалу теплела, нора набиралась человеческого духа, и усталость сладкой волной расходилась по утомленному телу девушки.

– А знаешь, – сказал вдруг Антон, и она разомкнула смежившиеся было веки, хотя в абсолютной темноте все равно ничего не было видно. – Я помню, как ты была одета. Там, в Заглядках. На тебе было голубое платье в цветочках. Правильно?

– Правильно, – просто ответила Зоська. И платье в цветочках, и тот, единственный с ним танец под балалайку, когда Антон лихо выхватил ее из группы девчат и минут десять молча кружил по избе, она хорошо помнила и теперь радостно удивилась, что это самое вспомнил и он.

- А танцевала ты ладно. В удовольствие.
- Так и ты... Ладный танцор.
- Любил девчат покружить.
- А теперь не любишь?
- Теперь не до того. Теперь самого война закружила.
- А ты это... Забыла, откуда ты родом?
- Да я из Восточной. Борисов, город такой, слыхала?
- Это за Минском, кажется?
- За Минском. А ты местная?
- Из Скиделя. Двадцать восемь километров от Гродно.
- Знаю. Ходил в сентябре. Почти до самого Гродно добрались. Бобики там нас пугнули.

В Лососне. А ты с мамой жила?

- С мамой и старшей сестрой. Замужней. А свояка немцы весной расстреляли.
  - Хорошо еще, что вас не тронули. Мать и теперь там?
  - Там, где же ей быть. С весны не видела, прямо душа чернеет. Как она там?..
  - Надо повидаться. Туда же идешь? – спросил он и примолк.
- Зоська вся подобралась в темноте.
- А ты откуда знаешь?
  - Знаю.

Трудно задышав, Зоська не ответила, и он сказал, как о само собой разумеющемся:

- Что же ты – почти дома будешь и мать не навестишь? Так не годится.
- Знаешь, не совсем дома. Да и другие дела есть.
- Ну, знаю, надавали тебе заданий, надо выполнять. Но и о себе подумать не грех, – сказал он и зевнул. – У меня тоже в Скиделе есть знакомый. Бывший дружок даже.
- Живет там?
- Живет.
- Где, на какой улице? Может, я знаю?
- Нет, ты не знаешь. Он человек новый.
- Ну новых я, конечно, не знаю. Которые приехали в тридцать девятом, те не очень знакомы. Я же перед войной в Новогрудке училась.
- Я и говорю: не знаешь, – сказал Антон.

Зашуршав сеном, он переменял положение и вдруг положил руку на ее плечо. Она испуганно-зябко вздрогнула, сделав слабую попытку отстраниться, но отстраниться было некуда.

- Не надо...

– Теплее будет. А то ты в моем колушке, а мне...

– А тебе холодно?

– Ну так, знаешь... Не очень, но все-таки.

Она промолчала, и он удобнее обнял ее рукой за плечи. Его большое и сильное тело источало приятное для нее тепло, и она, притихнув, почти обмерла под его рукой.

– Экая ты малышка! – переходя на шепот, сказал он с заметными нотками нежности. Ей вдруг стало смешно – никто не называл ее малышкой, – была она хотя и невысокого роста, но крепко сбитой, ловкой девчонкой.

– Я не малышка, – сказала она. – Я, знаешь, сильная.

– Да ну?

– В самом деле. Могу повалить. Даже такого, как ты.

– Как я?

– Ну.

Кажется, это было уже слишком, она шутливо преувеличивала, потому что чувствовала исходившую от него угрозу и неумело пыталась противостоять ей.

– Что, Дозорцев научил? – заинтересованно спросил он. – Самбо?

– Да, самбо.

– Гляди ты! Ну и разведчица!

– А что? Разве плохо?

– Нет, почему же? Еще бы оружие. Но оружия небось не дали?

– Разведчику не обязательно оружие. Лучше хорошие документы.

– Это конечно.

– А у тебя есть документы? У меня какой-то аусвайс потрепанный. Как бы не влипнуть с ним.

– Потрепанный – это хорошо. Надежнее потрепанный.

– По аусвайсу я Аделаида, понял? – сообщила Зоська. – А тебя как по документу?

– А все так же: Антон Голубин.

– А разве не заменили? Полагается же заменить имя и фамилию.

– Зачем менять? У меня документ незаменимый. – Он тихонько двинул бедром. – Револьвер системы «наган».

– Ой! – удивилась Зоська. – Как же это? А вдруг проверка?

– На случай проверки это понадежнее твоего аусвайса.

Унимая дрожь, Зоська настороженно примолкла – то, что у Антона оказалось оружие, ей не понравилось. Зачем оружие?

Так бы они спокойно пробирались проселками, выдавая себя за селян из какой-нибудь дальней деревни, в случае задержки и обыска – в карманах ничего подозрительного, как и учил Дозорцев. А тут – наган! Как бы через этот наган не провалить задание и самим не погибнуть.

– А в штабе там знают, что ты с наганом?

– Я сам лучше знаю, с чем мне идти.

– Ой, я боюсь...

– А ты не бойся. Ты на меня ложись. Уж мы как-нибудь, – проговорил он игриво и, сжав ее плечи, вдруг поцеловал возле губ.

– Ой! Ты что?

– Ничего, ничего... Знаешь, после той встречи утром я не мог себе места найти.

– Это почему? – в сладком предчувствии спросила Зоська.

– Потому. За тебя испугался.

– О, дурачок! Ну чего ты? – ласково сказала она, невольно прижимаясь к его широкой груди. – Я уже не маленькая. Уже ходила в Михневичи. Помнишь, как там Стукачева повесили?

– Михневичи что? Михневичи тогда рядом были. А тут километров тридцать. По прямой если.

– Так ты за меня испугался? – переспросила она, блаженно улыбаясь в темноте. Это его признание показалось ей таким странным и таким сладостным, что она захотела снова услышать его.

– Ну. А ты это... Уже согрелась, – объявил он, все теснее обхватывая ее за плечи.

Она чувствовала на своем лице его разгоряченное дыхание, сердце ее учащенно забилося, отходящими от стужи пальцами она молча вцепилась в его руки. Но он с настойчивой силой все больше наваливался на нее, руки его скользнули под кожушкой к ее бедрам, и она, испугавшись, вскрикнула:

– Ты что! А ну брось! И прочь руки, а то...

– Что?

– Кричать буду!

– Да?

– А ты думал?

– Ну что ж, – сказал он, подумав, и вдруг разнял у нее за спиной свои длинные руки. – Кричать не стоит. Спать будем.

Зоська промолчала, отходя от минутного возбуждения, удобнее закуталась в полу кожушка.

– Ты это не думай. Я не такая.

– Ладно, – сказал он устало. – Считаю, я пошутил. Пошутить же можно?

– Пошутить можно. Но надо знать как.

– А ты, гляжу, злюка.

– Пусть злюка...

– Вот уж не думал.

– Может, пойдешь один? Пожалуйста! Плакать не стану.

– Пока погожу, – не сразу ответил он и умолк. Она тоже умолкла, почувствовав, что такой разговор – почти ссора, а ссориться с ним ей совсем не хотелось.

3

Закопавшись по плечи в сено и вдыхая его крепкий травяной аромат, Антон сделал вид, что засыпает. От Зоськи он даже слегка отстранился, оставляя ее в налегенном им углублении. Конечно, вместе под кожаным было бы теплее обоим, но Антон не хотел лезть к ней. Еще подумает, что ему только это и надо, что за этим он и бежал следом, догоняя ее в ночи. Но для него вовсе не это было главное, и не затем он догонял ее, едва не потеряв на болоте. Хотя, разумеется, его, мужчину, влекла ее юная женственность.

Теперь он не помнил даже, когда все началось. Возможно, с той вечеринки в Заглядках, когда он танцевал с нею «Страдание», или скорее с того заполошного дня, когда отряд Кузнецова, оставив обжитый лагерь в Селицком лесу, поспешно перебазировался за болото. На новом месте их встретила промозглая глушь старого ельника. Уходя от преследования, они были голодны и устали как черти. После короткого отдыха командир взвода выделил троих партизан оборудовать отрядную кухню. Двое отправились на поиски чистой воды, а Антон принялся за устройство очага-топки, – под их закопченный таган надо было выкопать яму. Он сразу лихо взялся за дело, угрелся, вспотел и, подумав, что надо снять полушубок, увидел Зоську. Неслышно подойдя к нему сзади, та стояла и улыбалась.

– Что, помогать пришла? – спросил он, тоже улыбнувшись.

– Ну, такому помогать! Один справишься. Вон ручищи какие широкие, как лопаты, – засмеялась она, и он почему-то с неловкостью посмотрел на свои испачканные землей ладони.

– На пустой желудок любые руки ослабнут.

– Проголодался, бедненький. На вот тебе...

Зоська шагнула поближе и, протянув маленький белый кулачок, отсыпала ему полгорсти крупного сухого гороха.

– Подкрепляйся, завтрак не скоро.

И снова, как-то загадочно улыбнувшись, неторопливо пошла в ельник, где слышались голоса хлопцев, строивших буданы для жилья. Он посмотрел вслед ее маленькой ладной фигурке в сапожках, юбке и какой-то широкой, не по росту, куртке и подумал с завистью: «Славная девчонка!...»

Зоська ушла, похоже, тут же забыв о нем, сразу осажденная другими партизанами – молодыми и постарше, – всеми, кому хотелось обратить на себя минутное ее внимание, потрепаться, тем более что других женщин, кроме ворчливой пожилой Степаниды, в отряде уже не было. Антон не лез впереди других, хотя несколько раз ловил себя на том, что думает о ней.

Однако видел он ее по-прежнему редко. В октябре два взвода из отряда проводили операцию по поджогу Лукьяновского льнозавода и больше недели отсутствовали в лагере, а в ноябре, до праздников, он дважды с группой Момыкина ходил на шоссе добывать боеприпасы и оружие. Возвращаясь со второго задания, группа попала в засаду, их обстреляли на деревенской околице, одного парня убили, а тяжело раненного Момыкина Антон нес на себе километров двенадцать до лагеря, где тот на следующее утро скончался. Хоронили погибших, настроение было паршивое, стало не до этой девчонки, обитавшей при кухне, а потом при штабе, где из нее стали готовить разведчицу. Однажды, правда, встретил на стежке, обменялись двумя-тремя фразами, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.